

В.С. Хитрово

ПОХОД В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ. ВТОРЖЕНИЕ

Предисловие, подготовка текста и примечаний

И.В. Домнина и Н.Д. Егорова

В связи со 100-летием начала Первой мировой войны внимание к истории этой войны, ко всем ее аспектам и участию в ней России значительно возросло. В архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранится немало источников по данной теме. Для настоящего выпуска «Ежегодника» мы отобрали фрагмент из не публиковавшегося ранее труда полковника В.С. Хитрово «Война 1914–1917. Поход в Восточную Пруссию». Он касается начальных страниц боевой летописи последней войны Российской Императорской армии. Заметим также, что Восточная Пруссия была единственной частью Германской империи, на которой в 1914–1917 гг. велись военные действия, ибо в основном немецкие войска воевали на чужой территории.

* * *

Вначале — об авторе. Владимир Сергеевич Хитрово родился в 1891 г. Учился в Орловском Бахтина кадетском корпусе, а затем в Пажеском его императорского величества корпусе; в старшем классе состоял камер-пажом государя императора Николая II. В 1910 г. по окончании корпуса был произведен в подпоручики полевой конной артиллерии с прикомандированием к гвардейской конной артиллерии, составлявшей бригаду, и назначением в ее 5-ю батарею. На следующий год переведен в гвардию. С началом войны с батареей вышел на фронт. В 1915–1916 гг. по собственному желанию служил в пехоте, командуя ротой в 51-м Литовском государя наследника цесаревича полку. Закончил войну осенью 1917 г. командиром 5-й батареи в звании полковника. Был награжден Георгиевским оружием и многими орденами. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии. Затем — в эмиграции: до 1924 г. в Сербии, позже во Франции.

В Париже Владимир Сергеевич Хитрово сразу вошел в круг сослуживцев по родной бригаде и Российской Императорской гвардии. В 1929 г. было создано Общество взаимопомощи офицеров лейб-гвардии конной артиллерии в Париже под председательством великого князя Андрея Владимировича. В.С. Хитрово много лет состоял секретарем Общества, был его архивистом, а с начала 1960-х гг. до своей кончины (1968) — председателем. Он приложил огромные усилия для систематизации архива и музейной коллекции Общества. Кроме того, Владимир Сергеевич на протяжении десятилетий вхо-

дил и в другие объединения военной эмиграции, в том числе Гвардейское, где играл весьма заметную роль.

В.С. Хитрово неустанно трудился и на военно-историческом поприще. Его публикации можно встретить в «Русском инвалиде», «Часовом», «Военно-историческом вестнике» и других изданиях эмиграции. В 1930-е гг. прочитал десятки докладов на открытых собраниях Гвардейского объединения и военно-исторических собраниях Гвардейской конницы, а в 1960-е гг. также возглавлял Общество ревнителей русской военной старины. Соратники видели в нем человека, «заслужившего всеобщее уважение своим благородством, простотой, прямолинейностью и твердостью своих убеждений, сочетающейся с большой терпимостью к чужим мнениям» [Отправления Общества... 1968, с. 2].

В октябре 2014 г. архив Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии конной артиллерии был торжественно передан Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына Объединением потомков офицеров лейб-гвардии конной артиллерии (Париж). Это чрезвычайно ценное поступление. Наряду с изумительным по полноте текстовым материалом по истории этого соединения Российской Императорской гвардии, составленным под руководством и при самом живом участии великого князя Андрея Владимировича, в нем находятся уникальные фотоальбомы и отдельные коллекции фотографий, а также переписка, собрание воспоминаний и статей офицеров Общества. Среди них и воспоминания В.С. Хитрово, дополненные фотоснимками (довоенный период) и фотоальбомом (война), где автором атрибутирован каждый из двух сотен сюжетов, в том числе относящихся к началу войны и походу в Восточную Пруссию. Здесь же прекрасно исполненные автором схемы. Правда, по неизвестной причине, в архиве не оказалось части текста, посвященной Великой войне. Зато копия этой части обнаружилась в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), с которым у нашего Дома давние тесные партнерские отношения, и благодаря куратору архива, протоиерею Владимиру Цурикову, нам удалось восполнить утрату, хотя бы и скопированным вариантом. Вероятно, Владимир Сергеевич Хитрово как умудренный историк и весьма предусмотрительный человек одну из копий труда передал в Джорданвилль. Не исключено, однако, что она оказалась в Америке и без участия автора.

«Поход в Восточную Пруссию» В.С. Хитрово, по всей вероятности, был завершен к середине 1940-х гг. К этому времени отечественная историография вторжения войск Российской империи в Восточную Пруссию и боевых действий на ее территории уже насчитывала ряд трудов, сборников документов и множество отдельных статей. Авторы публикаций, вышедших в Советском Союзе, основное внимание уделяли аспектам военного искусства, действиям дивизий, корпусов, армий [Радус-Зенкович 1920; Цихович 1922; Вацетис 1923; Рогвольд 1926; Евсеев 1936; Кузнецов 1936; Восточно-Прусская операция 1939; Коленковский 1940 и др.]. Как правило, «молекулярный уровень» войны, боевая история рот (батареи), батальонов (дивизионов), полков (отдельных артиллерийских и специальных частей) игнорировались. В эмиграции, напротив, в силу отсутствия необходимых архивных документов прежде всего соз-

давались мемуары, отражающие личный опыт, впечатления и размышления участников боевых действий (немногими исключениями являются: [Головин 1926; Керсновский 1933–1938]). К тому же практически все описания персонафицированы, в них фигурируют не только крупные военачальники, но и старшие, младшие офицеры, а зачастую и нижние чины. Благодаря этому для истории запечатлены многие имена героев, ратных тружеников Великой войны [Воронович 1924; Розеншильд-Паулин 1926; Андреев 1928; Гоштовт 1931; Сергеевский 1933; Звегинцов 1936 и др.].

Хитрово в конце войны командовал артиллерийской батареей, следовательно, в боевой практике и задачах не поднимался выше тактического уровня. В то же время в своем творчестве он вполне уверенно анализирует проблемы не только тактического, но и оперативно-стратегического характера. Это свидетельствует о том, что на чужбине Владимир Сергеевич находил силы и время для профессионального развития, расширения своего военно-теоретического кругозора, совершенствования военной культуры.

Свою задачу автор изложил следующим образом: «Настоящие воспоминания написаны для того, чтобы запечатлеть для истории действия 5-й батареи лейб-гвардии конной артиллерии в войну 1914–1917 гг. Отсутствие журнала военных действий батареи, отсутствие каких-либо официальных документов и дневников лишает меня возможности написать историю батареи и вынуждает придать моему изложению характер *личных воспоминаний*. Вот почему в части, касающейся действий батареи, читатель найдет подробное описание событий, в которых я участвовал сам, и умолчание или упоминание вскользь о тех, где меня не было. Иначе поступить я не мог. Я пишу только о том, что помню, что врезалось у меня в память, или о том, что могу подтвердить ссылкой на серьезные источники»¹.

В десяти главах отражены мобилизация и сосредоточение, пограничные боестолкновения, вторжение на территорию Германии, знаменитый бой у деревни Каушен, сражения у города Гумбиннен и у Мазурских озер, отход из Восточной Пруссии и некоторые другие эпизоды. Вниманию читателей предлагается только одна глава — «Вторжение».

Следует иметь в виду, что при рассмотрении событий в Восточной Пруссии основные усилия отечественных историков направлялись на изучение гибели 2-й армии генерала Самсонова. Ее трагедия как бы заслонила собой освещение других, более удачных действий 1-й армии того же Северо-Западного фронта. А 5-я батарея лейб-гвардии конной артиллерии, в которой воевал В.С. Хитрово, входила в состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Следовательно, речь идет как раз о 1-й армии.

И уже поэтому, как всякие новые документы и материалы по данной тематике, источник представляет значительный интерес. Но прежде всего эти воспоминания ценны своей содержательностью: важными деталями, фактами, выразительными сценами, меткими оригинальными наблюдениями, глубокими, обоснованными и поучительными выводами. Они правдивы, открыты, как почти вся военная мысль русского зарубежья.

¹ Здесь и далее автор воспоминаний цитируется по рукописи, подготовленной к печати.

Например, перечисляя соединения кавалерийской группы вторжения, Хитрово обращает внимание на сложность взаимоотношений старших начальников как следствие непродуманных кадровых решений высших руководителей, что пагубно сказывалось на управлении войсками. Автор также указывает на недостатки войск, перешедших границу, в их подготовке к войне на территории противника. Плохое знание особенностей местности создавало огромные сложности еще до боевого соприкосновения. Низкий уровень осведомленности о ситуации, предстоящих задачах зачастую был присущ не только командирам младшего и среднего звена, но даже многим старшим начальникам. «Куда мы идем и зачем мы идем, нам, младшим офицерам, сказано не было...», «Путаница была общая», — честно признается автор. Тогда же, в первые дни войны, офицерам пришлось столкнуться и с неудобными вопросами солдат, увидевших в Восточной Пруссии порядок, изобилие хуторского крестьянского хозяйства. Они спрашивали: «Почему у нас по-другому?» И командиры не знали, что отвечать подчиненным. К таким вопросам кадровое русское офицерство действительно было не готово, что особенно остро и самым трагичным образом сказалось в 1917 г.

В целом публикуемые воспоминания гвардейского офицера-артиллери-ста весьма красноречиво свидетельствуют о преждевременности наступления русской армии в Восточной Пруссии, предпринятого на пятнадцатый день после объявления мобилизации. Слишком многое было не подготовлено, механизм работы частей и соединений, штабов корпусов и армий в условиях боевой обстановки еще не был отлажен. И за это пришлось заплатить очень высокую цену.

Воспоминания изданы в соответствии с «Правилами публикации исторических документов...». Даты приводятся по старому стилю (кроме одного германского приказа). Географические названия приведены в соответствии с официально принятыми в свое время, при этом нужно учитывать, что в научной литературе и документах существуют определенные разночтения в их написании. Курсивом отмечены места, выделенные автором.

Подстрочные сноски автора сохранены без изменений. Примечания публикаторов и документы, приводимые автором в качестве приложений, помещены в конце текста.

Литература

- Андреев 1928 — *Андреев В.* Первый русский марш-маневр в Великую войну: Гумбиннен и Марна. Париж, 1928. 32 с.
- Бендерский 1929 — *Бендерский А.П.* «Легкая паника в Пилькаллене» // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1929. Вып. 2.
- Бендерский 1929а — *Бендерский А.П.* Слоеный пирог // Лейб-драгуны дома и на войне. Вып. 2. Париж, 1929.
- Вацетис 1923 — *Вацетис И.И.* Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. Стратегический очерк: (Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии). М., 1923. 105 с.

- Воронович 1924 — *Воронович Н.* Каушенский бой // Дни. 1924. 10 авг.
- Восточно-Прусская операция 1939 — Восточно-Прусская операция: Сб. док. М., 1939. 612 с.
- Головин 1923 — *Головин Н.Н.* Современная конница. Белград, 1923.
- Головин 1926 — *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. 436 с.
- Гоштовт 1931 — *Гоштовт Г.* Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931. 194 с.
- Евсеев 1936 — *Евсеев Н.Ф.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. 301 с.
- Звегинцов 1936 — *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914–1920 год. Париж, 1936. 168 с.
- Керсновский 1933–1938 — *Керсновский А.А.* История Русской Армии. Белград, 1933–1938. Т. 1–4.
- Коленковский 1940 — *Коленковский А.К.* Маневровой период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. 368 с.
- Кузнецов 1936 — *Кузнецов Ф.И.* Действия III корпуса 1-й русской армии в августе 1914 года в Гумбинненском сражении / отред. и утв. А.К. Коленковский. М., 1936. Вып. 1–2.
- От правления Общества... 1968 — От правления Общества ревнителей русской военной старины // Военно-исторический вестник. 1968. № 31. С. 2.
- Радус-Зенкович 1920 — *Радус-Зенкович Л.А.* Некоторые выводы из сражения при Гумбиннене в августе 1914 г.: (Встречный бой) // Военно-исторический сб. М., 1920. Вып. 3. С. 74–95.
- Радус-Зенкович 1920а — *Радус-Зенкович Л.А.* Очерк встречного боя. По опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. Критико-историческое исследование. М., 1920.
- Рогвольд 1926 — *Рогвольд В.* Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август — сент. 1914 г.). Л; М., 1926. 180 с.
- Розеншильд-Паулин 1926 — *Розеншильд-Паулин А.Н.* 29-я пехотная дивизия в первый поход в Восточной Пруссии: Из дневника начальника дивизии // Военный сб. Белград, 1926. Кн. 8. С. 221–245.
- Сергеевский 1933 — *Сергеевский Б.Н.* Пережитое, 1914. Белград, 1933. 190 с.
- Цихович 1922 — Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 1: Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва / сост. Я.К. Цихович. 224 с.

Одно из обязательств, взятых нами на себя в развитие франко-русской военной конвенции, заключалось в том, что русская армия начинала наступление против Германии на пятнадцатый день мобилизации.

Первым днем русской мобилизации было 18 июля, пятнадцатым — 1 августа, и 31 июля главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Жилинский посылает командующим армиями директиву № 1¹.

В ней сказано о намерении главнокомандующего перейти в решительное наступление против германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, с охватом обоих флангов противника.

Во исполнение этого 1-й армии утром 3 августа предписывалось перейти границу конницей, а 4 августа пехотой, направляя корпуса на линию Инстербург — Ангербург.

Неприятель, говорится далее, должен быть на всем фронте и во всех случаях энергично и с упорной настойчивостью атакован.

Во исполнение этой директивы войска 1-й армии утром 1 августа двинулись из районов сосредоточения к государственной границе.

Ни одна из второочередных дивизий еще не прибыла, и потому армия перешла в наступление в составе 6½ пехотных и 5½ кавалерийских дивизий*.

На следующий день, 2 августа, командующий 1-й армией в свою очередь рассылает директиву № 1² и приказ № 2³, которыми правой группе армейской конницы ставится задача: «Выступить по направлениям... на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбиннена с севера»⁴. Границу перейти 3 августа.

Кроме того, на конницу возлагалась задача по возможности скрыть направление движения корпусов армий и помешать угону подвижного состава железных дорог.

Бригаде генерала Орановского⁵, обеспечивая правый фланг армии, 4 августа достигнуть Шилленена. По смыслу этого приказа выходило, что правая группа армейской конницы должна к вечеру 2 августа стянуться к правому флангу в районе Владиславова, но очевидно, что одновременное выполнение задачи по скрытию движения армейских корпусов становилось невыполнимым.

* III, IV, XX армейские корпуса и 5-я стрелковая бригада, 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии, 1, 2 и 3-я кавалерийские дивизии и 1-я отдельная кавалерийская бригада. — *Примеч. авт.*

Соответствующие распоряжения получены были в штабе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии после окончания боя вечером 1 августа. День 2 августа прошел в хозяйственных распоряжениях и приготовлениях к предстоящему походу.

Рано утром в воскресенье 3 августа генерал Хан Нахичеванский⁶ прибыл со штабом во Владиславов. Свои соображения о сосредоточении сюда всех дивизий, для дальнейшего наступления на Пилькаллен, он сообщил штабу армии, но, не получив ответа и считая, что план одобрен, приступил к его выполнению.

Первоначальное предположение начать наступление в 6 часов утра, для чего весь отряд должен был собраться к Владиславоу еще накануне, не могло быть осуществлено из-за того, что накануне, 2 августа, 2, 3 и 1-я гвардейская кавалерийские дивизии оказались втянутыми в бой с начавшими у Вержболова наступление немцами. Из них 3-я дивизия смогла выйти из боя только к ночи, будучи сменена подошедшим авангардом нашей пехоты.

Таким образом, правая группа армейской конницы сосредотачивалась к Владиславоу лишь к 11 часам утра 3 августа.

В составе ее произошли изменения. Павлоградский гусарский полк с одной конной батареей передан в XX армейский корпус. Оставшиеся два полка 2-й дивизии подчинены генералу Бельгарду⁷ и с тремя полками его дивизии составили одну сводную кавалерийскую дивизию. Всего в группе в день перехода ее в наступление насчитывалось 70 эскадронов, 7 батарей (42 орудия) и 32 пулемета⁸.

Хотя формирование этой конной группы и было предусмотрено в мирное время, никаких предположений о сформировании управления ее не было сделано. Поэтому штабу 2-й кавалерийской дивизии пришлось первоначально исполнять одновременно две роли, а со сведением 2-й и 3-й в сводную, сделаться штабом группы, для чего он оказался слишком малочисленным, а главное — лишенным технических средств.

У Хана Нахичеванского уже с начала войны находилось в подчинении три начальника дивизии, которые все три были старше его по производству в генерал-лейтенанты. Мало того, еще недавно Хан, командуя Конной Гвардией, находился сам в прямом подчинении у генерала Кознакова, тогда и теперь начальника 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Генерал Раух был тогда же начальником Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, а генерал Бельгард, однополчанин Хана, был старше его по службе в полку.

Если прибавить к этому, что по странному стечению обстоятельств начальники штабов дивизий: 1-й гвардейской Леонтович⁹, 2-й гвардейской Богаевский и Сводной Максимович-Васильковский также оказались как по службе Генерального штаба, так и по производству в полковники старше начальника штаба группы полковника Чеснакова, то станет ясным та подчас нездоровая атмосфера, в которой протекала работа этих штабов.

Обстоятельства эти в какой-то мере, вероятно, влияли и на ход операций.

Произошло же это потому, что согласно проведенному Куропаткиным закону всякий георгиевский кавалер имел право один раз в течение своей службы ходатайствовать о получении нескольких лет старшинства.

Хан имел крест за японскую войну, правом этим воспользовался и оказался на несколько месяцев старше других начальников дивизий.

Целей, поставленных правой группе армейской конницы при наступлении в Восточную Пруссию, последняя не достигла и надежд, на нее возлагавшихся, не оправдала.

Какая тому причина?

При исключительной доблести наших частей и их высокой тактической подготовке, ответ может быть только один: отсутствие кавалерийских вождей. Но этим ответом вопрос не исчерпывается.

Конница наша воспитана была в преклонении перед действием холодным оружием. Ее начальники — на идее шока кавалерийских масс¹⁰, и все их действия в первый период войны свидетельствуют о том, что в возможность этого шока они искренно верили.

Столкновения конных масс они ждали, столкновений конных масс желали и крайне были удивлены и на немцев негодовали, когда столкновения этого не произошло.

В ожидании этого, никогда не осуществившегося столкновения, дивизия Хана при вторжении в Восточную Пруссию водились тремя колоннами на столь узком фронте, что мы подчас простым глазом видели своих соседей. Расстояние между колоннами иногда не превышало 1½ верст. А в приказе, отданном Ханом еще 28 июля, сказано прямо: «При походе в боевой обстановке дивизиям держаться 1½–2 версты друг от друга».

И если распоряжение это отвечало «Наставлению для действия крупных кавалерийских частей» (приложение к Уставу строевой службы кавалерии), то в данном случае совершенно не отвечало обстановке, являясь основной причиной нашей медлительности со всеми проистекавшими отсюда действиями. И нигде как в этом случае не применимы слова Петра Великого: «Не держись устава, яко слепой стены».

А не отвечало это распоряжение обстановке потому, что местность, на которой мы оперировали, была соответствующим образом подготовлена и исключала возможность маневрирования крупных кавалерийских масс.

Пограничная полоса, шириной около 50 километров, в такой степени опутана проволокой, что движение по местности, даже дозоров, вызывало серьезные затруднения. Проволочные заборы были на каждом шагу, проволокой огорожены фермы, проволокой разграничены все участки. Встречалась она всех видов и размеров и местами была настолько толста, что не поддавалась резке даже специальными ножницами.

Невольно возникает вопрос. Обстоятельство это должно было быть известно разведывательному отделению штаба Виленского военного округа, и конница, предназначенная планом войны для действия в этом районе, об этом осведомлена, соответствующим образом подготовлена и, во всяком случае, широко снабжена специальными ножницами. Ничего подобного сделано не было. Наличие прово-

локи явилось для нас неожиданностью настолько, что по свидетельству генерала Рауха им из Пильвишек командированы были в Ковно люди с приказанием закупить все виды ножниц, которые найдутся на вольном рынке.

Кроме того, имелось большое количество водоотливных канав. Канавы же были почти вдоль всех дорог, большинство которых обсажено также деревьями и при движении временами создавалось впечатление, что идем мы узкими коридорами, выбраться из которых не всегда легко.

К этому нужно прибавить, что все строения были каменные, хутора обнесены солидными стенами с проделанными подчас бойницами и встречались хутора на каждом шагу.

Очевидно, что при этих условиях тормозить наше движение ничего не стоило. Достаточно было кучки велосипедистов, засевшей за одним из строений, чтобы надолго задержать дивизию, и тактика эта широко практиковалась немцами. У меня сложилось определенное впечатление, что появление велосипедистов, сыгранная ими роль и применявшаяся тактика явились неожиданностью для наших начальников, встречавших назойливый огонь отдельных стрелков там, где полагось быть стройным рядам неприятельской конницы.

Единственным средством являлось движение очень широким фронтом, но сделано это не было, и из дальнейшего изложения станет видно, что правую группу армейской конницы, перешедшую границу 3 августа, два дня спустя, к вечеру пятого, догнала пехота, начавшая наступление сутками позже.

Простейшим способом выполнения поставленной Хану задачи являлось движение от Владиславова прямо на запад по шоссе на Виллунен, Пилькаллен и Куссен.

Загадывать о том, что было бы — если бы, в вопросах военных несерьезно и бесполезно, но в данном случае с полной уверенностью можно сказать, что в случае выбора этого направления, Пилькаллен, отстоявший от границы всего в 23 километрах, был бы занят нами на сутки раньше, чем это было, в самом деле, т. е. к вечеру 3 августа. Тем более что на пути нашего движения мы могли встретить лишь всё ту же 1-ю германскую кавалерийскую дивизию, которая со своими 24 эскадронами не могла оказать нам серьезного сопротивления.

Таков, по свидетельству полковника Чеснакова, и был первоначальный проект Хана, с которым он прибыл во Владиславов, где в 7 часов утра собрал старших войсковых начальников, для передачи им своих приказаний.

Намечалось, что 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, переправившись у Владиславова, двинется на Пилькаллен, за ней 1-я гвардейская кавалерийская. Сводная, смененная в ночь со 2-го на 3-е пехотной, пройдя Владиславов, должна была идти в правой колонне.

Предоставляю слово генералу Чеснакову: «Собравшиеся начальники дивизий напали на Хана за то, что он ведет рискованную игру, попав под влияние своего начальника штаба. По-моему, суть дела заключалась в том, что Рауху, *не терпевшему опасных положений*, не хотелось первому принять (начать) удар; не активнее

его были и Казнаков и Бельгард. Поддержанный Генерального штаба капитаном Чайковским, я горячо возражал, но Хан после долгих колебаний уступил авторитету начальников дивизий и изменил приказ»*.

Следствием всего этого явилось движение конницы на север, причем 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, у Владиславова, должна была двигаться левым берегом Ширвиндты по дороге на север, оставляя слева болото die grosse Plinis. Остальные дивизии должны были двигаться на север правым берегом реки и переправиться на левый: 1-я гвардейская против деревни Будувенен, сводная у деревни Жолтины.

Конечной целью движения являлось занятие местечка Лилинен. Обозы 1-го и 2-го разрядов приказано оставить в Владиславове. С собой взять только зарядные ящики, патронные двуколки и лазаретные линейки. Выступление назначено в 10 часов утра.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия еще в 8 часов утра собралась у западной окраины Ширвиндта и здесь простояла часа три, ожидая возвращения генерала Рауха, уехавшего на совещание к начальнику конницы. Вернулся он около 11 часов, и вслед затем дивизия вытянулась, имея в авангарде Уланский полк со взводом 2-й батареи. Слева движение прикрывалось боковым отрядом в составе двух эскадронов.

При подходе к деревне Дористаль колонна остановилась, и началось бесконечное томительное ожидание. Куда мы идем и зачем мы идем, нам, младшим офицерам, сказано не было. Как общее правило, официальным путем сверху нас, за крайне редкими случаями, никогда ни о чем не осведомляли. Во всех последующих операциях нам лишь случайно и урывками удавалось получить ориентировку, и для этого нужно было куда-то пойти, кого-то расспросить, кого-то по дороге поймать, причем сведения, этим путем приобретенные, не всегда были точны. От нас делали секрет из самых простых невинных вещей, и если в неведении были мы, то ясно, что солдаты наши ходили в потемках.

Любопытно, что на отсутствие ориентировки горько сетует генерал Раух, и это дает основание заключить, что слова Суворова: «Всякий воин должен понимать свой маневр» оставались у нас пустым звуком.

Находясь на своей территории, мы пользовались своей прекрасной двухверстной картой, чрезвычайно точной, наглядной и хорошо исполненной. Карта Германии в масштабе 1:100 000 оказалась гораздо хуже, и то обстоятельство, что все названия написаны были по-немецки, сильно затрудняло пользование ею нижними чинами.

Стоял теплый, пасмурный день, временами накрапывал дождик.

Било в глаза богатство края. Фермы полны были клевера, сена, пшеницы, овса. На полях паслись стада овец и рогатого скота. Изобилие птицы, свиней и домашних животных. Среди лошадей выделялись прославленные тракены¹².

«Ваше благородие, откуда такое богатство, почему такая разница с Россией?» — задавали вопросы солдаты, ставя в тупик молодого офицера.

* Чеснаков П.В. Конница Хана Нахичеванского. 1937. — Примеч. авт.

Дороги местами обсажены фруктовыми деревьями, увешанными в это время года плодами. Деревья эти меня особенно поразили, и я невольно задал себе вопрос, что случилось бы с фруктами, если бы идею такой посадки осуществить, скажем, у нас в Орловской губернии, где для охраны фруктового сада нужны были сторожа, вооруженные ружьями.

Часть жителей ушла. Оставшиеся попрятались по домам и смотрят на нас волками. Резко чувствовалось, что мы в неприятельской стране и население принимает активное участие в борьбе с нами. С первых же дней обратили внимание на два явления. Крылья ветряных мельниц, количество которых в крае огромно, при нашем приближении начинали вращаться, независимо от того, имеется ветер или нет. Затем загорались стога или копны, и дым их неизменно сопровождал наше движение.

Поражало количество велосипедистов.

На второй или третий день штабом дивизии стали расклеиваться размноженные на ротаторе воззвания, автором которых был гусар Остен-Сакен и в которых население призывалось к спокойствию. «Ostpreußische Bürger¹²» начиналось воззвание, заканчивающееся угрозой по адресу тех, кто позволит себе выступление против русских войск.

Причиной стояния нашего у Дористаля явилась задержка в движении правых колонн. 1-я гвардейская кавалерийская дивизия переправилась в указанном ей месте, Сводная же переправиться у Жолтин не смогла и, продвинувшись далее на север, перешла на левый берег реки у деревни Рукше.

Наконец в 14 часов Хан отдал приказ о движении на Шиллене. Сводная дивизия должна была охватить город с севера, 1-я гвардейская наступать с фронта, а мы подойти с юга. Томительное ожидание наше кончилось, и в 16 часов мы двинулись наконец вперед.

Никакого противника, кроме разъездов, в Шиллене не оказалось, и город был занят без боя.

Вся наша дивизия еще засветло стала квартиробиваком в деревне *Ингляуден*. 1-я гвардейская кавалерийская в Шиллене, Сводная в районе к северу. Выставлено кольцевое сторожевое охранение. Ночь провели не расседывая.

По этому поводу вспоминается мне один из докладов, прочитанных мною в Париже на собрании конницы, на котором присутствовал генерал Гурко. Гурко в описываемый мною период командовал 1-й кавалерийской дивизией, перевезенной из Московского округа к левому флангу 1-й армии, где дивизия его составила левую группу армейской конницы. В первых же столкновениях Гурко выдвинулся как выдающийся генерал и кавалерийский начальник, в 1916 году исполнял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, и мнение его очень авторитетно. По окончании моего доклада Гурко взял слово и высказался против системы ночевки не расседывая, совершенно резонно указывая, что это очень изнурительно для лошадей, в данном же случае и не оправдывается обстановкой, т. к., с одной стороны, никакого противника вблизи не было, с другой, нам предстояло идти в наступление и нужно было особенно беречь лошадей.

К вечеру 3 августа главные силы 1-й армии подошли к государственной границе. Штаб нашего ближайшего соседа, XX корпуса генерала Смирнова, заночевал в Пильвишках. Его правофланговая 28-я дивизия между Владиславовым и деревней Жерделе; авангард другой, 29-й, дивизии этого корпуса занял деревню Слибины.

В состав 28-й пехотной дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Лашкевич, входили полки: 109-й Волжский, 110-й Камский, 111-й Донской и 112-й Уральский.

Район наступления XX корпуса ограничивался с севера линией Ширвиндт — Виллунен — Пилькаллен — Куссен.

При взгляде на карту становится ясно, что за день 3 августа конница Хана Нахичеванского не углубилась в неприятельскую территорию, отойдя от границы всего на 4 версты, и к вечеру находилась на линии пехотных авангардов.

Ночь с 3 на 4 августа 1-я германская кавалерийская дивизия провела в районе Пилькаллен, о чем донесла Хану его разведка, и, получивши эти сведения, он принимает решение двинуться на нее для того, чтобы атаковать и разбить.

В *понедельник 4 августа* отряд наш, как и накануне, направился тремя колоннами. Правая, Сводная кавалерийская дивизия, шла на Серделен, Киаушен, Патильшен, Уздруген. Средняя, 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, на Крушен, Грумковкайтен, Ушбаллен. 2-я гвардейская кавалерийская в общем направлении на Виллунен, Пилькаллен.

Еще с вечера отдано приказание быть готовым к выступлению в 8 часов утра. К указанному часу дивизия наша собралась на сборном месте у западной окраины деревни Ингляуден и, спешившись, ожидала прибытия начальника дивизии.

В это время над нашими головами появился германский аэроплан. Никем не тревожимый, низко летел он, и сидевший в нем летчик лейтенант Гантер донес о том, что обнаружил в районе Шиленена шесть биваков русской конницы, на которые и сбросил свои бомбы*.

Бомба над нашей дивизией сброшена была в то время, когда мы, спешившись, стояли в резервной колонне, ожидая приезда начальника дивизии. Упала она на пахотное поле шагах в ста, и эффект ее разрыва был равен нулю. Не только воронка оказалась ничтожной, но ни одна из пуль, начинявших бомбу, ни один осколок до нас не долетели. Я пошел посмотреть. Подобрал несколько круглых пуль и куски оболочки, напомиравшие скорее куски жестяной коробки, чем бомбы. Впоследствии пришлось также видеть небольшие острые стрелы, сбрасывавшиеся в начале войны с германских аэропланов.

Около двух часов простояли мы на сборном месте и только в 10 часов двинулись в путь.

Порядок следования тот же, что и накануне. В авангарде Уланы со взводом 2-й батареи под командой Мариновича. В голове нашего дивизиона 2-я батарея.

Путь наш пролегал по великолепному широкому шоссе, обсаженному огромными деревьями и обнесенному большими канавами. По краям, почти непре-

* *François, von H. Marneschlacht und Tannenberg, betrachtungen zur deutschen Kriegsführung der ersten sechs Kriegswochen, von Hermann v. François; mit zahlreichen kartenskizzen im text und 14 kartenanlagen. B., 1920. S. 176. — Примеч. авт.*

рывной стеной, белые камни, которые, должно быть, очень облегчали движение ночью, но делали почти невозможным выезд на позицию батарей. Справа и слева поля покрыты густой сетью проволочных заборов.

Около деревни Радшен дивизия свернула вправо на полевую дорогу, и, не доходя Виллунена, авангард ее был обстрелян взводом неприятельской артиллерии, стрелявшей на пределе, откуда-то из района деревни Шварпельн. Авангарду пришлось развернуться, взвод 2-й батареи выехал на позицию и удачно обстрелял появившиеся впереди небольшие колонны неприятельской конницы.

Более серьезное сопротивление, подходя к деревне Лаугаллен, встретила 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, авангард которой встречен был от деревни Грумковкайтен огнем целой батареи, и лишь Сводная дивизия могла продолжать движение, имея перед собой только разъезды.

В 12 часов дня огонь прекратился, вслед за тем получены были вести о том, что противник отходит, и дальнейшее движение наше продолжалось беспрепятственно. Но времени потеряно было много, дальнейший путь продолжали мы также ощупью и лишь в пятом часу остановились верстах в 6 от Пилькаллена. Спешились и стали уже поговаривать о высылке квартиреров, как вдруг раздалась команда: по коням, садись.

Затем все понеслись вперед. Объяснить себе то, что случилось, я в первый момент не мог и скакал, стараясь не потерять из виду командира батареи, т. к. думал, что предстоит выезд. Полевым галопом неслась по шоссе батарея, с обнаженной шашкой в руке летел командир дивизиона, и вскоре, свернув с дороги, мы снялись с передков фронтом на Пилькаллен. Это был единственный за всю войну выезд батареи полевым галопом на открытую позицию.

Вправо и влево от нас, путаясь в проволоке, строили фронт полки.

Как узнал я впоследствии, в то время как мы стояли, получено было донесение о том, что у Пилькаллена обнаружена германская конница, которая собирается нас атаковать, и этим вызваны были наш выезд и построение дивизии. Огня открывать не пришлось, конницы мы не видели, и вскоре получено было приказание идти к Пилькаллену, который тем временем без боя занят был 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, подошедшей к городу с севера. Наши Уланы подошли к вокзалу одновременно с дивизионом Кавалергардов, высланным для его захвата.

Можно думать, что вся эта тревога с собирающейся атаковать нас неприятельской конницей вызвана была заболтавшимся разъездом 1-го драгунского полка, возвращавшимся с разведки и уничтоженным здесь.

В одном из домов у входа в Пилькаллен намечен был бивак дивизиона. Орудия 5-й батареи уже установлены были в парке, но лошади еще не распряжены, как вдруг со стороны города раздалась ружейная и пулеметная стрельба. Оттуда стали выскакивать отдельные всадники.

Часть офицеров вошла уже в домик.

Не дожидаясь никаких приказаний, командир батареи приказал запрягать и рязью вывел батарею из города, намереваясь занять позицию, с которой можно было бы открыть огонь по Пилькаллену. Ружейная стрельба скоро стихла, и надобность в нашем выезде миновала.

*Лейб-гвардии конная артиллерия на улицах г. Пилькаллен.
Восточная Пруссия. 4 августа 1914 г.*

Кем-то был пущен слух, упорно державшийся, о том, что в момент занятия города к вокзалу подошел поезд с германской пехотой, которая, ничего не подозревая, стала высаживаться и, будучи обстреляна нашей кавалерией, вступила с ней в бой. Основанием этому слуху послужило то обстоятельство, что по занимавшим вокзал кавалергардам несколькими пехотинцами, засевшими в одном из строений, действительно открыт был огонь, на который ответили наши пулеметы. Одновременно стреляли в разных частях города ландштурмисты и вольные стрелки, причем из второго этажа занимаемого ими дома обстрелян конвой штаба нашей дивизии. Дом этот, по приказанию генерала Рауха, взорван был нашей саперной командой.

Как бы то ни было, стало ясно, что ночевать в городе нельзя, и нам указано было стать в усадьбе, находящейся восточнее города, там, где на карте написано «Paslöpen». Драгунского полка ротмистр Бендерский рассказывает в статье, помещенной в выпуске II «Лейб-драгуны дома и на войне», о том, что усадьбу эту он уже занимал со своим эскадроном и, выехав по тревоге, встретил идущую к хутору 5-ю батарею¹³.

Действительно, в усадьбе этой мы разместились с драгунами. Вскоре прибыл весь полк во главе с командиром, и мы уступили им господский дом. С первых же дней войны у офицеров батареи вошло в обычай не забираться на ночь в дома и особенно не разбредаться, а располагаться на ночлег всем вместе и возможно ближе от солдат, что особенно важно было в этот вечер при том нервном настроении, которое создалось после Пилькалленской стрельбы. Осмотрев все углы и закоулки, мы ночь провели на сеновале.

Помнится, что такое скопление лошадей вызвало недостаток вод, и всю ночь у единственного исправного, скрипевшего колодца стоял хвост за водой, и к свету он был вычерпан до дна.

Орудия 5-й батареи близ границы Восточной Пруссии. Конец июля 1914 г.

2-я батарея и штаб дивизиона были, вероятно, с нами, но я этого не помню и утверждать не могу. Остальные полки обеих дивизий выведены были из города и ночевали в окрестных хуторах. Сводная дивизия в деревне Шаметкемен. В Пилькаллен она не входила. Сторожевое охранение выставлено кругом.

В день конница Хана Нахичеванского прошла около 20 верст, выйдя на то направление, с которого ушла накануне, сделав ненужный крюк на Шиленен. В своем донесении № 102 о действиях этого дня Хан Нахичеванский пишет, что неприятель «решительно избегает конных столкновений и быстро отходит»*.

26 июля штаб 8-й германской армии переехал в Мариенбург. Еще накануне он подтвердил генералу Франсуа свое приказание «впредь до распоряжения, оставаться с главными силами на реке Ангерап». Охрана границы должна вестись конницей, поддержанной небольшими частями пехоты и артиллерии.

Сведения, собранные германской разведкой в течение последующих дней, приводят его к решению активно противодействовать Неманской русской армии, главные силы которой ошибочно предполагаются южнее Роминтенской пуши. И 1 августа, в тот день, что корпуса нашей 1-й армии двинулись к государственной границе, генерал Притвиц отдает приказ о сосредоточении своей 8-й армии к ее левому флангу¹⁴.

Согласно этого приказа, туда перевозятся XVII армейский корпус и шесть резервных дивизий, а также подтягивается дивизия Бродрюка, составлявшая гар-

* Радус-Зенкович Л.А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. Критико-ист. исслед. М., 1920. С. 20. — Примеч. авт.

низон крепости Кенигсберга, и таким образом, для активных действий против нашей 1-й армии, перешедшей, как мы уже знаем, в наступление в составе 6½ пехотных дивизий, на реке Ангерап сосредотачивается 8½ германских*.

Мы видим из этого приказа, что I германскому корпусу приказано «оставаться» в районе Гумбиннен — Инстербург, т. е. там, где он на самом деле не находился. На самом же деле дивизии его выдвинуты были к границе и растянуты кордоном на фронте в 50 верст от Гольдапа до Сталупенена. Тяжелая артиллерия находилась в Гумбинене, в Инстербурге же находился лишь штаб корпуса.

Любопытно, что о неисполнении своего повторного приказа штаб 8-й германской армии узнал лишь 4 августа по прибытии в Бартенштейн.

Я говорил уже и в дальнейшем изложении приведу тому многочисленные примеры, как хромала у нас ориентировка. Хромала у нас и связь, но все же трудно представить себе командующего армией, который в течение недели пребывает в неведении об истинном расположении своих войск и отдает приказания, предписывающие корпусам оставаться там, где они не находятся. И это при условии нахождения на своей территории и возможности пользоваться всеми видами связи.

4 августа корпуса наши перешли границу. Обстановка на фронте 1-й армии складывалась для нее чрезвычайно благоприятно. Против 1-й германской пехотной дивизии, силой в 12 батальонов при 16 батареях**, вышло три русских (29, 25, 27-я) в составе неполных 41 батальона при 20 легких батареях.

Разыгравшийся у Сталупенена бой не дал, однако, решительных результатов. Если на нашем правом фланге совместными действиями 25-й и 29-й дивизий у Бильдервейчена одержан был крупный успех и захвачено 7 орудий и 12 зарядных ящиков¹⁵, то на левом фланге 27-й дивизии, у Гериттена, почти уничтожен 105-й пехотный полк, и вследствие этого генерал Франсуа имел возможность с наступлением темноты прекратить бой и отвести свои части к Гумбиннену, во исполнение нового, полученного в разгаре боя, приказания командующего армией.

Правый фланг 29-й дивизии дошел до деревни Дегезен.

28-я дивизия двигалась впустую, не имея перед собой противника. К вечеру она заняла Виллунен, выдвинув авангард к деревне Шварпельн.

1-я германская кавалерийская дивизия с утра выдвинулась навстречу наступавшему от Шиленена корпусу Хана Нахичеванского и, заняв позицию на фронте деревень Грумковкайтен — Шварпельн, заставила нас развернуться, после чего, около полудня, перешла через Пилькаллен в Каттенау, для охраны левого фланга втянувшегося у Сталупенена в бой I корпуса.

Бригада генерала Орановского, на которую возложена была охрана правого фланга армии и которая 4 августа должна была достигнуть Шиленена, за дальностью расстояния прибыть туда не смогла и дошла только до местечка Шаки.

* I армейский корпус, XVII армейский корпус, I резервный корпус, 3-я резервная дивизия, дивизия Бродрюка, 2-я ландверная бригада. — *Примеч. авт.*

** В это число входили 4 батареи тяжелых гаубиц корпусной артиллерии. — *Примеч. авт.*

Действиями Хана Нахичеванского 4 августа командующий армией остался недоволен, и «ему было передано всевозможными способами, в том числе и через штаб XX корпуса, приказание командующего армией содействовать всеми силами XX корпусу при выполнении последним поставленных ему боевых задач»*.

В телеграмме же за № 393, посланной 6 августа, генерал Ренненкампф пишет: «Деятельность вашего конного отряда в бою 4 августа крайне неудовлетворительна; пехота вела тяжелый, упорный бой; конница обязана была помочь появлением не только на фланге, но и в тылу неприятеля, не считаясь с числом верст. В будущем приказываю быть более энергичным, подвижным, помнить, что у вас 48 орудий, которые направлением в тыл неприятелю нанесут громадное поражение»**.

Нижеприведенное приказание, переданное через штаб XX корпуса (дошло ли оно?), уточняет задачу, данную правой группе армейской конницы и сформулированную в директиве № 1 так: «Выступите по направлению на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбиннена с севера».

Но если задачу, данную правой группе, оно уточняет, лишая вместе с тем ее действия характера рейда, то вносит путаницу во взаимоотношения с бригадой Орановского, на которую возложена была задача обеспечения правого фланга армии.

Что же касается обвинения, изложенного в телеграмме № 393, то оно совершенно необоснованно. «В течение 3, 4 и 5 августа Хан никаких указаний или сообщений об общем положении дел на фронте армии не получал»***. Иными словами, не был ориентирован.

Можно и нужно помочь в бою соседу. 4 августа ближайшим нашим соседом была 28-я пехотная дивизия и никакого боя она не вела. Связь с ней была установлена, т. к. вечером 4 августа Хан Нахичеванский доносил: «Вошел в связь с 112-м Уральским полком»****, но вопрос — знали ли в штабе 28-й дивизии больше, чем в штабе конницы. В этом позволительно усомниться, т. к. уже на следующий день, 5 августа вечером, штаб конницы с отчаяния посылает в штаб армии своего старшего адъютанта Генерального штаба капитана Чайковского с запиской следующего содержания: «Не могу получить от 28-й пехотной дивизии сведений о положении дел на фронте; отвечают, что ничего не знают; прошу ориентировать через посланного капитана Чайковского»*****.

Мало того, в штабе 28-й пехотной дивизии не только ничего не знали об общем положении на фронте, но, как это ни покажется неправдоподобным, на следующий день 5 августа не знали, по-видимому, и не могли ориентировать Хана даже об исходе бывшего накануне боя у Сталупенена.

* Радус-Зенкович Л.А. Указ. соч. С. 31. — Примеч. авт.

** Радус-Зенкович Л.А. Указ. соч. С. 34–35. — Примеч. авт.; опубл. также: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 125. — Примеч. публ.

*** Рогвольд В. Конница 1-й русской армии в Восточной Пруссии (август–сентябрь 1914 г.). М.; Л., 1926. С. 56. — Примеч. авт.

**** Радус-Зенкович Л.А. Указ. соч. С. 20. — Примеч. авт.

***** Рогвольд В. Указ. соч. С. 57. — Примеч. авт.

Об этом свидетельствует следующая фраза в любовно адресованном мне письме капитана Чайковского в ответ на просьбу мою изложить обстоятельства его поездки в штаб армии. «Путь мой был отмечен через Пилькаллен, Ширвиндт, Вилковишки, Вержболово. От Пилькаллена я решил отклониться круто к северу, т. к. не знал результатов боя, нами слышанного накануне в направлении к юго-востоку от Пилькаллена».

Оставалось движение на выстрелы. В нашей колонне, по мере продвижения вперед, всё яснее и яснее слышен был гул орудийной стрельбы, доносившейся с юга. Слышен он был и в штабе отряда, но ведь в этом направлении мы и двигались.

Цитирую новую фразу из письма капитана Чайковского: «О бое к югу от Пилькаллена (в направлении) в штабе нашего конного отряда было известно тогда, когда мы подходили 4 августа к Пилькаллену с севера, по отчетливо слышной сильной артиллерийской канонаде — на мой вопрос Хану — не надлежит ли нам скорее “идти на выстрел” — мне было в добродушной форме предложено: “Не говорить глупостей — куда же это после целого дня похода идти, на ночь глядя, в бой”». Но Хана вопрос этот беспокоил.

В «Дневнике кавалерийского офицера» автор его, кирасир *ее величества* Гоштовт, полк которого назначен был в сторожевое охранение, рассказывает о том, что при выходе из Пилькаллена их нагнал Хан Нахичеванский и приказал выслать два разъезда в деревню Грибен и послушать, не доносятся ли с юго-востока звуки боя.

Приказание было выполнено, но, пишет Гоштовт, «как мы ни прислушивались, звуков боя с юго-востока до нас никаких не доносилось». Следовательно, бой уже кончился. Займи мы Пилькаллен третьего вечером, сражение это разыгралось бы совершенно иначе, вернее предположить, что немцы вообще бы не приняли боя.

Не приняли мы участия в Сталупененском сражении потому, что 3 августа неизвестно зачем ушли на Шилленен. Не приняли мы участия в Сталупененском сражении потому, что при принятой нами системе движения продвигались так медленно, что, продолжая движение после занятия Пилькаллена, появиться на поле сражения могли лишь с наступлением темноты, когда бой кончился.

Наступление отряда *во вторник 5 августа* назначено было на 6 часов утра. К указанному часу дивизия наша собралась на сборном месте у восточной окраины Пилькаллена, и здесь, как и накануне, началось томительное ожидание, продолжавшееся около двух часов, и лишь в 8 часов двинулись мы в путь. В авангарде опять шел Уланский полк на этот раз с 3-м взводом 5-й батареи под командой Колзакова. Вторым офицером был Аладов.

Ближайшая цель действий этого дня в приказе для движения указана не была.

Шли тремя колоннами на очень узком фронте, не превышавшем 4 верст, в общем направлении на Цулькинерский лес. В правой Сводная дивизия на Сентилопен, Спуллен, Драгупенен; в средней 1-я гвардейская кавалерийская по

большому шоссе на Хенскишкен и Иоганнисберг; в левой 2-я гвардейская кавалерийская на Кегстен.

В центр Пилькаллена дивизия наша не заходила, обойдя город по крайней южной улице. Шли среди мертвого царства: ни одного человека на улице, шторы опущены, ставни закрыты. Первая часть пути прошла беспрепятственно — шли по хорошим шоссированным дорогам.

При подходе авангарда к большому шоссе, ведущему от Гумбиннена к Куссену, на участке между последним и Радшеном он был встречен ружейным огнем. Стрелки, оказавшиеся велосипедистами 44-го и 45-го германских полков*, засели в большой придорожной канаве и стоявшем на шоссе каменном доме. 3-й и 4-й эскадроны улан развернулись и, поддержанные пулеметным взводом драгун Гринева, после перестрелки и конной атаки заставили велосипедистов отступить на Гумбиннен. Немцы же, засевшие в каменном доме, после геройской обороны погибли. Взвод Колзакова выезжал на позицию, но непосредственного участия в стычке не принял, обстреляв, по указаниям пешей разведки и почти на пределе, уходившие на запад части неприятельской конницы.

Эпизод этот задержал движение всего отряда, тем более что и авангард средней колонны имел стачку с мелкими частями противника у деревни Егленикен.

Вслед затем дивизия наша продолжала движение по шоссе на Радшен и здесь в начале первого часа получила приказание идти на бивак в деревне Кегстен — Беднорен, где и расположилась около 2 часов дня. Обе батареи и гусары стали тесным биваком в *Беднорене*. Штаб дивизии и 1-я бригада в Кегстен. Беднорен оказался совершенно брошен жителями, и по царившему в домах беспорядку видно было, что бежали они очень поспешно.

1-я дивизия и штаб отряда стали в деревне Егленикен; Сводная в деревне Драгупенен.

Сторожевое охранение, как и обе предыдущие ночи, выставлено круговое.

От 2-й дивизии в охранении лейб-драгуны.

Ближняя разведка выдвинута до линии деревень Краупишкен — Рорфельд — Антбален — Бракупенен — Тутшен. Для дальней разведки выслано 6 разъездов по одному взводу. В 14 часов деревня Мальвишкен была занята 1-м эскадронам Конной гвардии**.

В 16 часов 30 минут дивизия поднята по тревоге. Как сейчас помню этот момент. Пообедав и устроившись на биваке, я только что собирался заснуть и погрузился в дремоту, как выведен был из этого состояния сигналом тревоги и криком: «Вставай».

Немедленно поседлав, мы куда-то помчались и заняли позицию фронтом на юго-восток, на котором и простояли до темноты. Ходили самые противоречивые слухи, говорили, что в нашем тылу появился противник, но толком никто ничего не знал. К ночи вернулись мы на бивак свой в Беднорен, но настроение оставалось тревожным.

* 2-й пехотной дивизии I армейского корпуса. — *Примеч. авт.*

** *Рогвольд В.* Указ. соч. С. 56. — *Примеч. авт.*

Оказалось, что тревога вызвана была донесением, полученным от драгун, в котором сообщалось, что со стороны Гросс Мальвишкен обнаружено появление противника и что к деревне Радшен подходит большая колонна пехоты^{15*}. Получив это донесение, генерал Раух поднял дивизию и направил конно-гренадер с артиллерией на поддержку сторожевого охранения, когда же выяснилось, что подходившая к Радшен пехота своя, части возвращены были на свои стоянки. В остальных дивизиях также была тревога, но полки, поседлав, оставались на сборных пунктах и в 7 часов вечера разошлись по своим бивакам.

О действиях 5 августа Хан донес: «Конница двинулась в направлении на Гумбиннен. На фронте Витгирен, Мальвишкен авангарды сбили спешенную кавалерию неприятеля и самокатчиков 44-го и 45-го пехотных полков. Два неприятельских конных полка отошли на запад. Движение медленное, со всех фольварков стреляют. 108»*.

За весь день конный отряд прошел не больше 15–16 верст, и приказ становиться на ночлег отдан был уже в 12 часов дня. О причинах, вызвавших такое решение, определенного и ясного ответа получить мне не удалось. Надо думать, что решающую роль сыграло отсутствие ориентировки об общем положении дел на фронте, т. к. уже через 1½–2 часа по прибытии начальник отряда приказал старшему адъютанту штаба конницы Генерального штаба капитану Чайковскому отправиться в Вержболово, в штаб 1-й армии, для получения ориентировки и передачи сводки о деятельности отряда на 3, 4 и 5 августа. Возвратиться он должен был в гвардейскую дивизию в Егленинкен, по возможности не задерживаясь в штабе армии. Для поездки ему предоставляется автомобиль штаба конницы. Составление сводки заняло много времени, затем была тревога, и выехал капитан Чайковский лишь в 8 часов вечера, увозя с собой записку, текст которой мною уже приводился.

Поздно вечером того же дня, после тревоги, генерал Раух ездил в Егленинкен в штаб конницы, где, по его словам, в это время из штаба армии получено было отчетное кроки на 5 августа, из которого явствовало, что к вечеру этого дня авангард правофланговой дивизии должен достигнуть деревни Радшен. «Никакими письменными дополнениями или предписаниями кроки это не сопровождалось», — пишет в своих воспоминаниях генерал Раух.

Последняя оговорка, а также все то, что мы знаем об отсутствии связи со штабом армии, равно как текст посланной с Чайковским записки, заставляют предположить, что кроки это прислано было не из штаба армии, а из штаба 28-й пехотной дивизии, связь с которой поддерживалась. И получено было после отъезда Чайковского.

Обратимся теперь к нашей пехоте.

Вследствие отхода германцев в ночь с 4 на 5 августа, боевое соприкосновение с ними было утеряно, и 5 августа пехота 1-й армии продвигалась вперед, не встречая сопротивления. Однако вследствие отхода 27-й дивизии и необходимости

* Раух Г. Воспоминания. Рукопись, хранящаяся в Пражском русском заграничном историческом архиве. — *Примеч. авт.* Точное название рукописи: «Мои воспоминания за время Великой Войны и революции». — *Примеч. публ.*

привести части в порядок, центр армии двинулся вперед лишь в 2 часа дня и, заняв Сталупенен без боя, остановился на ночлег. 29-я дивизия расположилась на ночлег в районе Юкнишкен — Кегстен на железной дороге Сталупенен — Пилькаллен. 28-я дивизия, не принимавшая участия в бою 4 августа, продвинулась значительно дальше и оказалась выдвинутой уступом вперед. Главные силы 28-й дивизии расположились в районе Куссен — Зеекampen — Тутшен, выдвинув авангард в составе 110-го Камского полка при 8 орудиях и ½ эскадрона в Мингштиммен. Последний выставил охранение на линию Мальвишкен — Бракупенен. Штаб 28-й дивизии расположился в Брутшен. Части прибыли на место поздно, авангард стал в Мингштиммене только в 10 часов вечера и всю ночь до утра расставлял охранение. Командир 6-й роты 110-го полка, направленный в Мальвишкен, донес в 4 часа утра: «Занял деревню Мальвишкен, где оказался 4-й эскадрон лейб-гвардии Конного полка, который, вероятно, сегодня уйдет. Кавалерия передает, что 1½ версты западней Мальвишкена велосипедисты неприятеля». Командир 2-й роты 110-го полка, направленный в Иодшен, донес в 6 часов 20 минут утра: «2-я рота прибыла в Иодшен и расставила заставы. В Иодшене лейб-гвардии Драгунский полк...»*

Высланная начальником 28-й дивизии разведка от дивизионной конницы на линию Мальвишкен — Шпринген никаких сведений ему не дала, и группировка противника оставалась неизвестной.

Из изложенного ясно, кем была вызвана тревога в нашей дивизии. Но что совершенно не ясно и просто невероятно, это, с одной стороны, отсутствие ориентировки штабом конницы подчиненных ему дивизий, с другой, отсутствие своевременной взаимной ориентировки штабами двух крупных параллельно и рядом двигающихся войсковых единиц: конного корпуса и 28-й дивизии. Ведь вошел же штаб конницы еще накануне в связь с Уральским полком и должен же был выставлявшийся в охранение Драгунский полк быть предупрежден о том, что с востока подходит наша пехота. В штабе конницы, правда, поздно, получено было кроки из 28-й дивизии, но что в свою очередь знали там?

Обращаюсь к статье А. Бендерского, помещенной во II выпуске «Лейб-драгуны дома и на войне» и озаглавленной «Слоеный пирог». Ротмистр Бендерский, командир 6-го эскадрона лейб-гвардии Драгунского полка, вечером 5 августа вышел с полком в охранение, и ему достался участок фронтом на деревню Куссен, т. е. как раз туда, откуда подходила наша пехота, о которой пишет он: «Мы ничего не знали». С самого начала застава его в Куссене имела перестрелку с каким-то противником; стреляли понемногу и правее и левее него. А немного спустя он опознал в одном из подъезжавших с востока всадников Павлоградского гусара, полк которого в качестве дивизионной конницы придан был XX корпусу. Стремясь выяснить положение, он с этим гусаром решил проехать к начальнику дивизии генералу Лашкевичу и вот как описывает встречу с ним: «...Вхожу. В первой комнате писаря на двух машинках что-то выстукивают. На полу разбросаны чемоданы, ящики, денщики собирают и укладывают вещи. Настроение чувствуется

*Орудия 5-й батареи на позиции у д. Шупинен.
У дальнего орудия — В.С. Хитрово (высокая фигура).
Восточная Пруссия. Август 1914 г.*

тревожное. Обо мне докладывают начальнику дивизии. Меня вводят в следующую комнату. Там несколько штабных офицеров видно заняты спешной работой. У большого стола с разложенными картами стоит небольшого роста седой генерал. Я подхожу к нему и докладываю, кто я такой и откуда прибыл. Генерал в недоумении и подозрительно оглядывает меня. Потом просит на карте показать расположение корпуса. Я показываю.

“Как же вы бросили свой эскадрон и зачем вы приехали?” — все еще недоверчиво спрашивает он.

Я рассказываю мою встречу с гусаром, высказываю свое подозрение, что в Куссене была перестрелка между нашими и что конно-гренадерский полк вызывается тоже против его дивизии.

“Дайте донесение корнета Щебеко”, — приказывает генерал. “Читайте”.

*5-я батарея лейб-гвардии конной артиллерии на походе.
Восточная Пруссия. Август 1914 г.*

Примерное содержание донесения было следующее: “Со стороны Куссена — Радцена на нас наступают один батальон и два эскадрона противника”¹⁶.

По получении этого донесения начальник 28-й дивизии выслал уже батальон на поддержку охранения и сам собирался менять место штаба дивизии.

Итак, путаница была общая, и не удивительно, что ближняя разведка, выдвинутая к Антбаллену, Бракупенену и Тутмену, оказалась направленной в район, занятый нашей пехотой.

Мы оставили генерала Орановского в местечке Шаки, куда он со своей бригадой прибыл в 15 часов 4 августа. Между тем мы знаем, что в этот день он должен был дойти до Шиленена. Представляется совершенно непонятным, что по прибытии в Шаки он не знал о назначении своей бригады*, а всю вторую половину 4-го, весь день 5 августа провел в бесплодных попытках связаться со штабом армии. Наконец в штабе XX корпуса ему удалось получить точные сведения о возложенной на него задаче, и в ночь с 5 на 6 августа бригада его перешла в Шиленен.

В течение 5 августа обе дивизии I германского корпуса окапывались к востоку от Гумбиннена. Первая дивизия на левом фланге расположения дугой на фронте Гросс Каннапинген — Небудшен — Шпринген — Дитерлаукен, пересекая оба шоссе, ведущие от Гумбиннена на Мальвишкен и Куссен. Расположение, определенно указывающее на то, что германцы отдавали себе отчет в намерении русских охватить их левый фланг. Правее первой дивизии, на фронте Норгаллен —

* Рогвольд В. Указ. соч. С. 65. — *Примеч. авт.*

Задвайчен стояла 2-я дивизия, пересекая шоссе Гумбиннен — Сталупенен.

1-я германская кавалерийская дивизия, ночь с 4 на 5 августа проведшая в Каттенау, 5 августа перешла через Куммельн и Кармонен в Бракупенен, для прикрытия левого фланга 1-й дивизии. Получив известие о движении сильной русской конницы от Радшена на Мальвишкен, дивизия перешла в Антбракупенен и стала на ночлег в районе к северу от Гервишкемен.

Эти ее передвижения, обнаруженные нашей разведкой, и послужили, очевидно, основанием Хану указать в своем донесении № 108: «Два неприятельских конных полка отошли на запад»¹⁷.

¹ Директива командующему 1-й армией № 1 от 31 июля 1914 г. (гор. Волковыск):

Противник направил большую часть своих сил на свой западный фронт против Франции. По имеющимся у нас сведениям в Восточной Пруссии им оставлено от 3 до 4 корпусов и несколько резервных дивизий и ландверных бригад. Авангарды его выдвинуты к границе, но его главные силы находятся, несомненно, за линией озер.

Я предполагаю перейти в решительное против него наступление с целью разбить его, отрезав от Кенигсберга, и захватить его пути отступления к Висле, для чего 1-й армии наступать от линии Вержболово — Сувалки на фронт Инстербург — Ангбург в обход линии Мазурских озер с севера, а 2-й армии — от линии Августов — Граево — Мышинец — Хоржеле на фронт Летцен — Руджаны — Ортельсбург и далее к северу, причем главные силы армии будут направлены на фронт Руджаны — Ортельсбург во фланг и тыл линии озер.

Таким образом, наступление будет введено в обход обоих флангов противника, находящегося в озерном пространстве. Имея в своем составе многочисленную конницу, 1-я армия должна по переходе через Анграп возможно глубже охватить левый фланг противника, с целью отрезать его от Кенигсберга. На кавалерию возлагается: заслонить, скрыть от неприятеля направление наших корпусов, закрепить за собой наиболее важные пункты, захватить переправы для нас и разрушить дальние в тылу, дабы помешать угону подвижного состава железных дорог.

Во исполнение изложенного предписываю 1-й армии утром 3 августа перейти границу конницей, поддержанной отрядами пехоты, и отеснить передовые части противника, закрепив за собой занятые пункты, а 4 августа — перейти границу всеми тремя корпусами, входящими в состав армии, направляя их первоначально на фронт Инстербург — Ангбург, а затем развивая наступление в охват левого фланга противника. При этом наступлении надлежит оставить достаточной силы заслон против Летцена, откуда можно ожидать перехода германцев в наступление.

2-я армия будет наступать своим правофланговым корпусом от Августова на Лык, Арис и Летцен, перейдя границу 6 августа.

Неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью атакован. Эти указания не касаются укреплений Летцена, на случай атаки коего последует особое приказание.

Линией, разграничивающей районы действий 1-й и 2-й армий, назначаю линию селений: Липовка, Поломен, Солтманен, Летцен, причем вся эта линия относится ко 2-й армии.

Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта,
генерал от кавалерии *Жилинский*.

Начальник штаба, генерал-лейтенант *Орановский*.

Опубл.: [Радус-Зенкович 1920а, с. 133–134; Головин 1926, с. 420–421].

² Директива 1-й армии № 1 от 2 августа 1914 г. (штаб армии гор. Вильно):

<...> Главнокомандующий приказал:

1) 1-й армии перейти границу 4 августа и с линии Владиславов — Сувалки наступать на фронт Инстербург — Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера.

2) 2-й армии перейти границу и с линии Августов — Граево — Мышинец — Хоржеле наступать на фронт Летцен — Рудшани — Ортельсбург и далее к северу.

3) Задача 1-й армии — возможно глубже охватить левый фланг неприятеля на р. Анграп, где предполагаются его главные силы, имея целью отрезать неприятеля от Кенигсберга.

4) Задача 2-й армии — свои главные силы направить на фронт Руджаны — Ортельсбург, во фланг и тыл линии Мазурских озер.

5) Районы действий 1-й и 2-й армий разграничиваются по линии селений Липовка — Поломен — Солтманен — Летцен; вся линия для 1-й армии включительно.

6) Правофланговый корпус 2-й армии наступает от Августова на Лык — Арис — Летцен, причем этот корпус перейдет границу 6 августа.

7) Коннице 1-й армии перейти границу 3 августа, оттеснив передовые части неприятеля.

Во исполнение изложенных указаний Командующий 1-й армией приказал:

1) Обеим группам армейской конницы 3 августа выступить по направлениям, соответствующим ранее данным им задачам:

а) правой группе — на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбиннена с севера;

б) левой группе — имея в виду обеспечение левого фланга армии со стороны Маркграбова, а впоследствии — Летцена;

в) 1-й отдельной кавалерийской бригаде, обеспечивая правый фланг армии, 4 августа достигнуть Шиленена.

При этом конница должна, по возможности, скрыть направление движения корпусов армии и помешать угону подвижного состава на железных дорогах.

2) Корпусам армии главными силами 4 августа овладеть линией Вилюнен — Сталупенен — Герминкемен — Дубенинкен — Ковален.

Начальник штаба 1-й армии

генерал-лейтенант *Милеант*.

Опубл.: [Радус-Зенкович 1920а, с. 135–136; Головин 1926, с. 423–424].

³ Приказ 1-й армии № 2 от 2 августа 1914 г. (штаб армии гор. Вильна):

1) Имеющиеся сведения указывают, что на фронте Пилькаллен — Пилупенен развертываются части обеих дивизий I германского корпуса, имея на своем левом фланге у Пилькаллена 1-ю кавалерийскую дивизию (6 полков); на остальном фронте без переменов.

2) Армии, согласно моей директивы № 1, перейти 4 августа границу Германии и занять в этот день главными силами корпусов линию Вилюнен — Сталупенен — Герминкемен — Дубенинкен — Ковален.

3) Коннице:

а) Генералу Орановскому — обеспечивая правый фланг армии, разведывать на фронте Тильзит — Крапишкен и занять к вечеру 4 августа деревню Шиленен.

б) Генералу Хану Нахичеванскому и генералу Гурко действовать согласно моей директивы № 1.

4) Районы наступления, реквизиций и действий корпусов ограничиваются:

XX корпуса — с севера: Ширвинт — Вилюнен — Пилькаллен — Куссен; с юга: Эйдкунен — Сталупенен — Гумбиннен исключительно.

III корпуса — с севера: южная граница XX корпуса включительно; с юга: Копсодзе — Викнавейтшен — Энцунен — Вальтеркемен включительно.

IV корпуса — с севера: южная граница III корпуса исключительно; с юга: Пржеросль — Гольдап — Даркемен включительно.

5) 5-ю стрелковую бригаду подчиняю генералу Гурко для выполнения возложенной на него директивой № 1 задачи.

6) Штабам корпусов иметь ночлег на 5 августа:

XX — Владиславов.

III — Эйдкунен.

IV — Пржеросль.

7) Донесения присылать: до 3 часов дня 4 августа в Вильно, после 3 часов дня — ст. Вержболово (Кибарты).

8) Связь — государственный телеграф; IV корпусу соединиться телеграфом с Шиплишки.

9) Заместители: генерал-лейтенант Милеант; генерал от инфантерии Смирнов.

Командующий армией,

генерал-адъютант, генерал от кавалерии *Ренненкампф*.

Начальник штаба армии, генерал-лейтенант *Милеант*.

Опубл.: [Радус-Зенкович 1920а, с. 136–137; Головин 1926, с. 425–426].

⁴ [Радус-Зенкович 1920а, с. 135]. — *Примеч. публ.*

⁵ Генерал-лейтенант Н.А. Орановский в указанное время командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой. — *Примеч. публ.*

⁶ Командир 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Гусейн Хан Нахичеванский возглавлял группу конницы в составе 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских, 2-й и 3-й кавалерийских дивизий. — *Примеч. публ.*

⁷ Генерал-лейтенант В.К. Бельгард был начальником 3-й кавалерийской дивизии, убит в бою у г. Вормдит 18 августа 1914 г. — *Примеч. публ.*

⁸ Состав правой группы армейской конницы при вторжении в Восточную Пруссию 3 августа 1914 г.:

Начальник конницы генерал Хан Нахичеванский, начальник штаба Ген. штаба полковник Чеснаков.

1-я гвардейская кавалерийская дивизия (начальник дивизии: генерал-лейтенант Казнаков, начальник штаба Ген. штаба полковник Леонтьев): Кавалергардский Е.В.Г.И.М.Ф. полк, лейб-гвардии Конный полк, лейб-гвардии Кирасирский его величества полк, лейб-гвардии Кирасирский Е.В.Г.И.М.Ф. полк, 1-я его величества и 4-я государя наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича батареи лейб-гвардии конной артиллерии: 16 эскадронов, 12 орудий, 8 пулеметов.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия (начальник дивизии: генерал-лейтенант Раух, начальник штаба Ген. штаба полковник Богаевский): лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, лейб-гвардии Уланский Е.В.Г.И.А.Ф. полк, лейб-гвардии Драгунский полк, лейб-гвардии Гусарский его величества полк, 2-я генерал-фельдцейхмейстера и 5-я Е.И.В. Великого Князя Михаила Александровича батареи лейб-гвардии конной артиллерии: 24 эскадрона, 12 орудий, 8 пулеметов.

Сводная кавалерийская дивизия (Начальник дивизии: генерал Бельгард, начальник штаба Ген. штаба полковник Максимович-Васильковский): 2-й лейб-драгунский Псковский Е.В.Г.И.М.Ф. полк, 2-й лейб-уланский Курляндский императора Александра II полк, 3-й драгунский Новороссийский Е.И.В.В.К. Елены Владимировны полк, 3-й уланский Смоленский императора Александра III полк, 3-й гусарский Елисаветградский Е.И.В.В. Княжны Ольги Николаевны полк, 5-я генерала Никитина и 6-я конные батареи: 30 эскадронов, 18 орудий, 16 пулеметов.

Всего: 70 эскадронов, 42 орудий, 32 пулемета.

⁹ Начальником штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии в указанное время был полковник В.А. Леонтьев. Генерал-майор Е.А. Леонтович был командиром 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, после боя при Гумбинне временно командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой. — *Примеч. публ.*

¹⁰ См.: «Конницы всех европейских армий вступили во всемирную войну, исповедуя учения “шока”. Картины конных атак эпох Фридриха и Наполеона упорно гипнотизировали военные умы» [Головин 1923, с. 7]. — *Примеч. публ.*

¹¹ Порода лошадей. — *Примеч. публ.*

¹² Граждане Восточной Пруссии (нем.). — *Примеч. публ.*

¹³ [Бендерский 1929, с. 135]. — *Примеч. публ.*

¹⁴ Приказ по 8-й германской армии (гор. Мариенбург) 14 (1) августа 1914 г. 4 часа пополудни.

1. Не лишено вероятности, что противник поведет наступление против линии озер в районе южнее леса Роминтен. Его передовые части — пехота с артиллерией двигаются от фронта Гросс Эрцимехен — Мирунскен.

2. Армия сосредотачивается к левому флангу для встречи русского удара наступлением.

3. XX армейский корпус двинется в район Ортельсбург. На него возлагается прикрытие армии от возможного наступления русских южнее озера Спирдинг. Корпусу быть также готовым к наступлению на Иоганисбург, для чего отряд у Бяла должен оставаться.

3-я резервная дивизия с 6-й ландверной бригадой удерживают линию Николайкен — Летцен.

I резервный корпус удерживает линию реки Ангерап, примыкая правым флангом к озеру Мауер.

XVII армейский корпус будет перевезен по железной дороге через Алленштейн и Кенигсберг в район Инстербург — Бокеллен — Норкитен, откуда он двинется в направлении на Даркемен.

I армейский корпус остается в районе Гумбиннен — Инстербург.

Главный резерв крепости Кенигсберг — у Инстербурга.

2-я ландверная бригада удерживает линию реки Мемель.

Задача 1-й кавалерийской дивизии остается прежняя.

Прикрытие правого фланга армии против маловероятного, но возможного наступления русских со стороны р. Нарева возлагается на генерала Унгер, которому подчиняются: <...>

4. Разведка: <...>

5. Воздушная разведка: <...>

6. Отделение Воздушных Кораблей № 8 <...>

7. Тыловые пути <...>

8. Штаб армии остается до вечера 15 (2) августа в Мариенбурге; затем переходит в Бартенштейн, куда прибудет в полдень 16 (3) августа.

Командующей армией *фон Притвиц*.

Опубл.: [Головин 1926, с. 421–423].

¹⁵ Силами 115-го пехотного Вяземского полка 29-й пехотной дивизии. — *Примеч. публ.*

¹⁶ [Рогвольд 1926, с. 57]. — *Примеч. публ.*

¹⁷ [Бендерский 1929а, с. 114]. — *Примеч. публ.*

¹⁸ [Рогвольд 1926, с. 57]. — *Примеч. публ.*